

Архитектура партийных форм

Выставка главного зодчего советского модернизма

Известия. — 2001. — 11 янв. — с. 8

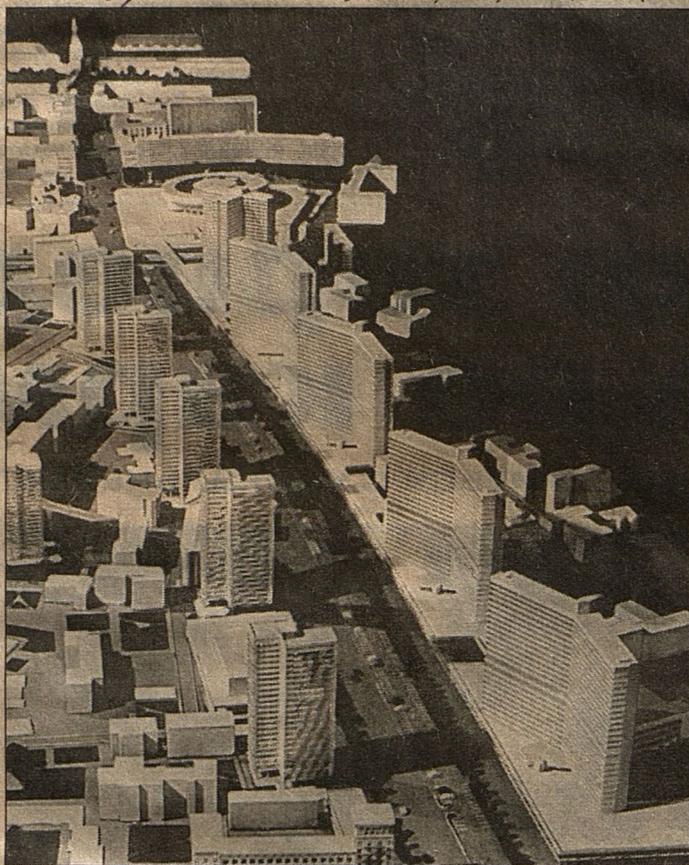
В Музее им. А.В. Шусева заканчивается работа выставки Михаила Посохина, архитектора, всю жизнь верно служившего заказчику — советскому государству, отчего его собственное профессиональное лицо не имеет никаких индивидуальных черт.

Ольга КАБАНОВА

Редкий случай писать не про открытие, а про закрытие выставки. Попробую объяснить. Рассказ об открытии выставки — по сути приглашение ее посмотреть. А провоцировать читателя на посещение выставки, посвященной девяностолетию народного архитектора СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий Михаила Васильевича Посохина, бывшего с конца 50-х до конца 80-х годов главным советским архитектурным начальником, не очень-то хотелось. Выставка мала, скучна и депрессивна: кроме архитектурных проектов, заставляющих думать о грустном, представлена на ней скучнейшая живопись и графика.

Все многочисленные профессиональные достижения Михаила Посохина и так у всех на виду. Мощная крепость-высотка на площади Восстания, насильно втиснутая в Кремль прозрачная коробка Дворца съездов, скучные параллелепипеды проспекта Калинина, здание СЭВа, Олимпийский комплекс на проспекте Мира, жилой комплекс в Северном Чертанове, похожий на все прочие жилые комплексы столичных «спальников», — это только малая часть объектов, возведенных под руководством Посохина.

Плохи они или хороши, какая теперь разница — стоят, обжиты, привычны. Спасительная идея о том что Москва —

Калининский проспект на старом макете выглядит куда импозантнее, чем Новый Арбат в сегодняшней реальности

такой вот особый город, который все переварит, чрезвычайно популярна в профессиональной архитектурной среде. Но вот беда — выйдешь в город и видишь, что многие престижные объекты так и стоят непереваренными, косяком в горле, а сама Москва давно уже превратилась в грандиозный коллаж, составленный из фрагментов разных эпох, сознательно друг от друга отворачивающихся. Каждый коренной москвич пережил за свою жизнь не одну решительную смену архитектурных стилей, проходившую по прихоти очередного столич-

ного или государственного начальника, но такова расплата за привилегии жизни в столице.

Вот тот же Посохин до 50-х годов был верным проводником сталинских архитектурных идей — проектировал положенный неоклассицизм с колоннами, который иногда был внешне ничуть не хуже зданий, которые возводили в губернских городах за сто лет до рождения будущего главного архитектора Москвы. А потом враз стал проектировать коробки и «небоскребы по-советски» (то есть очень маленькие небоскребы), став главным специалистом

унылого хрущевско-брежневского модернизма.

Мгновенная переориентация случилась после знаменитого хрущевского постановления об архитектурных излишествах. Профессионально советские архитекторы к такому крутому повороту готовы не были — трудно было после долголетнего игнорирования западного опыта вдруг повернуться лицом к миру, который, кстати, был им совершенно неизвестен. Только по картинкам да коротким официальным зарубежным визитам.

Умиленно ностальгическое отношение к недавнему советскому прошлому распространяется сегодня у нас как эпидемия. Все вдруг полюбили старые задушевные советские фильмы и запели неуклюжие советские песни. Только вот о советской архитектуре 60–80-х годов (а за этот период ответствен как раз Михаил Посохин) никто не печалится. Хотя именно в то время были поставлены очень важные задачи и освоены новые, действительно перспективные, направления.

Советская архитектура тогда, впервые после долгого перерыва, озаботилась потребностями простого человека — развернулось массовое жилищное строительство — и повернулась лицом к миру: стала осваивать новые строительные технологии и архитектурные формы, естественные для второй половины XX века. Но сделано это было так чудовищно неуклюже, так плохо по архитектурному и строительному качеству, что благие идеи эти были решительно скомпрометированы в общественном сознании. Ответственны за это и архитекторы, прежде всего сервильное архитектурное начальство и Михаил Васильевич Посохин лично. Оттого невозможно вспоминать его сегодня добрым словом.